

*Мы смотрели в лицо Смерти,
И Смерть моргнула первой.*

ПРОЛОГ

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Например, я терпеть не могу разговоры с предками об учебе. Каждый раз, когда они затевают эту песню — а делают они это довольно-таки часто и серьезно, я отворачиваюсь и представляю, как прыгаю с крутого обрыва, и это мне кажется классной перспективой, ведь нахмуренный лоб отца и серьезный взгляд матери выглядят чертовски раздражающе. Иногда я думаю, что лучше действительно спикировать с утеса, чем выслушать в очередной раз их рассуждения о будущем и прочей чепухе. Затем я возвращаюсь с небес на землю, выбрасываю из головы мысли-паразиты и киваю родителям. Порой киваю не один раз, чтобы мама перестала причитать — остановить ее сложно.

— Ты ведь особенная.

На слоганы для неудачников похоже, верно? Но мама считает, что мотивирует меня. Мне хочется сказать, что ее наставления — глупости, но она расстроится. Мама жутко впечатлительна. Она наверняка удивится, если рассказать ей историю о Санта-Клаусе. Настоящую историю, а не ту, в которой толстый мужик спускается по трубе и разбрасывает подарки.

Зима в нашем городе паршивая. Дороги замело, за окном — ни черта не видно.

Дворники работают ритмично, скребутся, как стекло о пенопласт, и нет чтобы как обычно пойти в школу, я еду с семьей в универмаг на отшибе, мать его, мира. Нет, не то чтобы я хотела сидеть на занятиях, просто поездки с предками заканчиваются драматично. Сталкиваюсь с мамой, вступает отец. Ну а еще ноет сестра, которая ненавидит, когда мы ссоримся и орем друг на друга.

Мама у меня психолог, это жутко бесит. Она вправляет мозги всяким суицидальным подросткам, шестнадцатилетним мамашам и прочим недомеркам, *которые не подумали о своем будущем и потонули в омуте собственного безумия*. И со мной мама ведет себя так, будто я хоть чем-то похожа на этих маниакальных креатинов. Да, она всегда придет на помощь, но даже тогда, когда ее помощь не требуется. Это реально мешает нам с ней понять друг друга. Она вечно меня за руку держит, словно я утопающая. Но я не тону — вот в чем проблема.

— Ты не пробовала записаться на дополнительные кружки по рисованию?

— Да пошло оно все, мам!

— Ари, следи за языком!

Мама оборачивается, смотрит огромными глазами, и мне тут же становится стыдно. Не люблю ее разочаровывать. И дело не в том, что я сказала: *«Пошло все»*. Я могу ругаться сколько влезет, но ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, нельзя забывать о *мать-его-прекрасном-будущем*. Целый храм поклонения какому-то там будущему, которого может и не быть! Могла бы сказать: Ариадна, забудь про дополнительные кружки для неудачников. Или: Ариадна, удели больше внимания себе и своим желаниям. Нет, Ари, цепляйся за все, что только можно, и несись так, будто за тобой мчится поезд, норовящий размазать твоё лицо по асфальту.

— Мам, я слушаю музыку.

— Нет, не слушаешь.

Я поджимаю губы и притворяюсь, будто не слышу ее. Смотрю в окно.

— Ариадна Мари Блэк, я с тобой разговариваю. — Мама выдыхает и смотрит на меня потускневшими глазами, в которых не-

ожиданно проносится печаль. — Я не хочу, чтобы ты что-то упустила. Жизнь такая короткая.

— Мам, к чему все это? Что за упаднический настрой?

— Просто... — Мама застывает с открытым ртом, отец поглядывает на нее с тревогой, и тогда она встряхивает темными волосами и выпрямляется на сиденье. — Просто у меня плохое предчувствие.

— Предчувствие? Опять эти твои «странные штучки»! — я закатываю глаза. — Что на этот раз? Увидела плохой знак в чайной заварке или сон приснился?

— Ари, — протягивает отец, — хватит.

— Что? Мне просто интересно. Вечно маме что-то в голову взбредет, а я отдуваюсь.

— А я когда-то ошибалась? — Мы вновь смотрим друг на друга. Ее карие, почти черные глаза проникают внутрь меня, и живот скручивается от непонятного ощущения. — Стоит ли напомнить тебе про тот день, когда ты...

— О нет!

— ...решила сходить в кино на свидание с Беном Мак-Каффи. Я говорила, не ходите в кино, лучше в парке прогуляйтесь, а ты, конечно, назло мне и всему миру согласилась на фильм, как он назывался еще... по-дурацки как-то.

— *«Всегда говори всегда»*, — помогает папа, кривя губы.

— Да, точно! А потом, что потом случилось?

— Хватит, — я прикрываю пальцами покрасневшее лицо, — ма-а-ам!

— Потом на тот же сеанс пришла его бывшая подружка Синтия. И Бен целый вечер в ее сторону смотрел, потому что не мог глаз оторвать.

— Это нечестно! Такое один раз случилось.

— Такое постоянно случается, — говорит отец и смеется. — Ты никогда нас не слушаешь, а потом жалуешься. Если мама говорит, что нужно записаться на дополнительные кружки, значит, так правильно. Что ты теряешь, Ари?

— Собственное мнение.

Мама всплескивает руками, Лора повторяет за ней, будто играет в какую-то, только ей известную игру, а я расстроено взды-

хаю. Когда мы научимся слушать друг друга? Разве так сложно — не ругаться, а разговаривать? Отстойная зима какая-то.

Покрышки скользят по мокрой дороге, папа смотрит на меня, криво улыбаясь, в салоне жарко, окна запотели, и капли скатываются по стеклам, как по щекам Лоры, когда она ревет из-за мультиков. А затем неожиданно перед машиной вспыхивает что-то яркое. Мама кричит — я не разбираю слов, папа резко выворачивает руль, и машина слетает с обочины в черную пасть леса.

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Но иногда мы не понимаем, что такое *«лучше»*, что такое *«плохо»*. Мы жалуемся на жизнь, и вскоре она начинает жаловаться на нас, преподнося неприятные сюрпризы.

В тот момент, когда Лора — мой совсем маленький, надоедливый монстр — застывает с распахнутыми от ужаса глазами, а родители подаются вперед от сильнейшего удара, я понимаю, что готова жить в том плохом, которое у меня было. Что мое плохое на самом деле хорошее. Но я понимаю это слишком поздно.

Все мои мысли исчезают, и я превращаюсь в надоедливую мошку, которую хватают в ладони и сдавливают изо всех сил. Я слышу хруст, а после — ничего...

Глава 1

АСТЕРИЯ

Я приезжаю на закате. Останавливаюсь напротив небольшого двухэтажного дома и выкатываюсь из машины, захлопнув за собой дверь. Мои руки непроизвольно сплетаются на груди, а легкие вспыхивают огнем, будто я вдохнула горячий пар.

Коттедж старый, но выглядит прилично. Крыша черная, стены сероватые, трудно сказать, что это за архитектурный стиль, я в этом плохо разбираюсь, но здесь определенно прожило не одно поколение Монфóр-л'Амори. Язык сломаешь, верно? Именно поэтому фамилию сократили до Монфор. Звучит не так пафосно, но зато никто не ошибается и не думает по десять минут, прежде чем позвать вас.

Меня обдувает теплый ветер — южное приветствие южного городка Астерии.

Я закрываю глаза и глубоко втягиваю воздух, пытаюсь свыкнуться с той мыслью, что жизнь продолжается. Трудно поверить! Жизнь не должна продолжаться. Я не хочу, чтобы она продолжалась. Но водитель фуры не спросил разрешения, когда выехал на встречную полосу, и в больнице не спросили, хочу ли я проходить терапию. Собственно, социальный работник у меня тоже не поинтересовался, намерена ли я переезжать в Астерию к двум сумасшедшим сестрам матери, которые живут за счет неплохого наследства, оставленного прадедушкой. Никто ничего не спросил, и все за меня решили. Мне остается лишь стоять здесь и делать вид, что я дышу. Что мир крутится. Что родители и Лора не умирали.

Достаю с заднего сиденья две тяжелые сумки. Закрываю машину и на автомате плетусь к коттеджу. Калитка скрипит, когда

я толкаю ее бедром. Медленно ступаю по каменной дорожке, оглядываюсь и вижу ворона, притаившегося на растопыренной ветке. Он громко каркает, и его крик прорывается внутрь меня, отдаваясь эхом в голове. Жутко здесь, очень-очень жутко. И я скептически хмыкаю.

Бросаю сумки на коврик перед дверью и встряхиваю волосами. Вытираю ладонями вспотевшее лицо и резко опускаю руки. «Просто плыть по течению», — думаю я. Это все, что мне нужно. Доктор сказал, однажды я найду смысл в жизни. *Он пообещал мне.* Ну а я ответила, что он ублюдок, все его слова — полная чушь и что, если он еще раз скажет подобную несуразицу, я сорвусь с кресла и выбью ему его идеальные зубы. Вот так мы обменялись обещаниями, и он больше ни разу не втюхивал мне этот бред про светлое будущее и мир во всем мире.

В очередной раз набираю в легкие воздух, поднимаю руку, собираюсь постучать, но неожиданно дверь резко распахивается, и я проваливаюсь в пустоту, едва не задев лицо маминой младшей сестры Мэри-Линетт.

— Ариадна, — говорит она и улыбается. Глаза у тети Мэри светло-изумрудные. Таких я ни у кого прежде не встречала. — Наконец-то ты приехала.

— Да, — киваю я, — приехала.

Мэри-Линетт назвали в честь актрис, прославившихся и потухнувших в далекие 50-е годы. Родители долго не могли определиться, какое имя больше подходит дочери, и в итоге решили не заморачиваться.

Мама часто рассказывала мне эту историю. Все время смеялась. *Мама.*

Я отворачиваюсь и крепко стискиваю пальцы в кулаки. Каждое воспоминание о ней делает мне больно. Очень больно. Я чувствую, как вспыхивает лицо, щеки, лоб, как тело в мгновение превращается в факел, и я ничего не могу с этим поделать. Просто горю.

— Ариадна, — шепчет тетя Мэри, кладет ладонь на мое плечо, и пожар, пылающий во мне, неожиданно утихает. Я растерянно застываю. — Когда-нибудь тебе станет легче.

— Что?

— Проходи в дом. Норин чувствовала, что ты подъезжаешь. Сделала чай и разогрела еду. Ты ведь проголодалась, верно? — она смотрит на меня огромными глазами, а я просто молчу. Давно мне не было так спокойно... Однако едва тетя отнимает руку от моего плеча, как тревога тут же вонзается острым клинком в живот, и я горблю спину.

— Мне нужно...

— Не стой на пороге! Я занесу вещи. Давай же, проходи, Ари. Проходи!

Мэри-Линетт затаскивает меня в коттедж, а сама энергично подхватывает с крыльца сумки. Откуда у нее столько сил? Мэри старше меня лет на пятнадцать. Она не похожа на типичных представителей молодежи, но в ее глазах горит огонек, свойственный малолетним авантюристам, которые еще не представляют, в какое дерьмо они вляпались. Жизнь ведь дерьмо — я могу написать об этом книгу.

Мэри захлопывает дверь и подбадривающе кивает мне. В доме темновато и пахнет какими-то травами. На стенах приуныли потертые зеркала разной формы, черно-белые фотографии. Под ногами скрипят половицы. Слышу, как тикают часы, и взглядом пытаюсь их найти.

— Хорошо выглядишь, — улыбается тетя Мэри и вскидывает острый подбородок, — такая красавица. Сколько сердец уже разбила, признавайся?

— Ничего я не разбивала. — Безучастно отворачиваюсь. Глупый разговор. Не хочу делать вид, будто все в порядке, и обсуждать парней — нормально. Ненормально. Я здесь не потому, что соскучилась по Мэри или Норин, а потому, что умерли мои родители, и как-то странно выбрасывать этот факт из головы. — И выгляжу я обычно.

— Может быть, прогуляемся? Я покажу тебе Астерию.

— Может быть.

— Было бы неплохо выбраться на воздух вместе, Ари.

— Было бы неплохо свыкнуться с мыслью, что я здесь, а не дома. — Я перевожу взгляд на младшую сестру матери: — Сейчас мне хочется только этого — и все.

Мэри-Линетт протяжно вздыхает, но продолжает улыбаться. Не понимаю, как она силы находит. Почему способна разговари-

вать? Почему ходит с таким лицом, будто ничего не случилось? Может, она так долго не видела маму, что успела забыть ее?

Задумчиво свожу брови. Иду за Мэри-Линетт и через несколько секунд оказываюсь на уютной кухне, где возле плиты стоит средняя сестра моей матери Норин — высокая и худая женщина с густыми короткими волосами цвета воронова крыла. Ее тонкие длинные пальцы рвут листья салата и складывают их в прозрачную миску. Спина у нее до безобразия прямая, а на ногах широконосовые туфли, наверняка жутко неудобные.

Мэри с глухим стуком бросает сумки. Они плюхаются на пол, разносится эхо, и тетя Норин растерянно оборачивается, сощутив серо-голубые глаза — они у нее такого же цвета, как пятнистые озера в Британской Колумбии.

— Ариадна? — тихим голосом спрашивает она и вытирает ладони о фартук. Ох, как же нелепо он на ней смотрится. Серьезная и холодная, как метель в Миннесоте, она достойна жизни в XIX веке, а не коттеджа в веке информационных технологий. — Ари!

Норин делает несколько широких шагов и внезапно прижимает меня к себе, да так крепко, что у меня перехватывает дыхание. Я неуверенно кладу ладони ей на плечи.

— Как ты? — шепчет она мне в волосы. — Устала?

Не знаю, что ответить, поэтому молчу и жмурюсь. Так неожиданно, но мне не хочется отстраняться, хочется провести в таком состоянии вечность. Но тетя почти молниеносно размыкает объятия и поправляет воротник свитера. Лицо у нее непроницаемое.

— Садись. Выпей чаю и поешь. Я приготовила тебе комнату на втором этаже. — Норин проходится пальцами по коже под глазами и порывисто отворачивается. Облокачивается о разделочный стол и кивает сама себе, будто соглашаясь с чем-то. — Ты любишь мятую?

Открываю рот, но она уже отвечает:

— Да, любишь. Точно.

Растерянно улыбнувшись, я усаживаюсь за дубовый стол. Мэри плюхается напротив, складывает руки в замок перед собой, и мы замолкаем, будто видим друг друга впервые. Неловкая ситуация. Я поправляю волосы, они у меня огненно-рыжие, как медь,

и собираю их в пучок. Трудно сказать, что именно я сейчас чувствую, пожалуй, мне не по себе.

— Как доехала? — деловым тоном интересуется Норин, добавляя в чай мяту.

— Хорошо, без проблем.

— Мы записали тебя в школу, отдали документы. Занятия уже идут пару недель, но...

— Но идти завтра не обязательно, — громко заявляет тетя Мэри и с вызовом косится на сестру, — если хочешь, отсидись пару дней или недель. Ничего не случится.

— Хотя лучше, — добавляет Норин, — уроки не пропускать, все же начало года.

— Кому какое дело до этих уроков? Бессмысленная трата времени.

— В мире принято бессмысленно тратить время на занятия в школе, Мэри.

— А еще в мире принято носить обтягивающие джинсы и поощрять однополые браки.

— Ей *нужно* ходить в школу.

— А я что, говорю не ходить? Хотя можно и не ходить, — шепчет она, наклоняясь ко мне, а затем вновь глядит на сестру: — Ариадне надо привыкнуть, вещи свои разобрать, в конце концов. Как думаешь, Ари?

Хлопаю ресницами и ощущаю, как в воздухе повисает напряжение. Ну и странные у них отношения!

— Я сделаю, как вы скажете. Завтра в школу? Хорошо.

— Норин так не говорила.

— Я *так* сказала, — заявляет Норин холодным тоном.

— Ну что за глупости? Понюхай базилик, Норин.

— Я сейчас дам тебе понюхать асафетиду, — развернувшись, угрожает Норин, и я вдруг думаю, что асафетида — это как минимум ядерная бомба, потому что взгляд у тети сердитый.

— Все в порядке, вы чего? — я приподнимаю ладони в сдающемся жесте и встаю из-за стола. Норин и Мэри-Линетт синхронно переводят на меня взгляды. Никогда раньше я не замечала, что они так похожи. — Я могу разобрать вещи сейчас, а завтра пойду в школу.

— Это необязательно.

— Тетя Мэри, все в порядке. Мне плевать, правда. Не хочу ни о чем думать, а в школу пойду, чтобы занять мысли.

— Реджина велела бы тебе идти, не пропускать занятия и не терять времени, — шепчет Норин, но на меня не смотрит, а пялится на свои руки и кромсает моцареллу. В груди у меня начинает покалывать. — Она не оставила бы тебя дома, потому что надо двигаться дальше, и я хочу, чтобы ты двигалась дальше. Понимаешь?

Мы смотрим друг на друга. Взгляд у тети Норин пронзительный. Меня немного трясет. Я сжимаю кулаки.

— Понимаю. Я в комнату пойду, хорошо? А поем попозже.

— Тебя проводить? — приподнявшись, спрашивает тетя Мэри, но я качаю головой: — Не надо.

— В доме много спален.

— Не волнуйся. Я найду, а потом спущусь к вам — попозже. — Я пытаюсь выдавить из себя улыбку, но выходит паршиво. Мэри-Линетт бледнеет. — Все в порядке. Честно!

Я не знаю, зачем говорю это, кого пытаюсь убедить. В горле застревает колючий ком, будто крик, готовый вырваться наружу, и, подхватив с пола сумки, я срываюсь с места, надеясь как можно скорее найти свою комнату и спрятаться.

Никто за мной не идет. Ношусь, словно сумасшедшая от одной двери к другой, а когда нахожу нужную спальню, пятки у меня пылают, будто бы я металась по горящим углям. Захлопываю дверь, бросаю вещи и начинаю расхаживать по комнатушке туда-сюда. Я ничего не вижу. Не вижу, какого цвета обои, не вижу, стоит ли кровать, есть ли окно. Все превратилось в огромное черное пятно, и оно наваливается на меня, как гигантский камень.

Выпрямляюсь, растерянно оглядываюсь и наталкиваюсь на свое отражение в большом зеркале. Со мной что-то не так, что-то не то с глазами. Подхожу ближе и вижу на щеках мокрые дорожки, сосуды в глазах полопались, а губы дрожат, словно мне жутко холодно. Что за черт! Пытаюсь успокоиться, а внутри так и пылает пожар, неистовый и безжалостный. Прижимаю пальцами веки, но слезы все равно катятся. Сжимаю зубы, подбородок дрожит.

И я просто ложусь на кровать, беспомощно подогнув под себя ноги. Доктор говорил, что однажды мне станет легче. Какой же он все-таки убождок!

Не знаю, сколько проходит времени — час или два, я все-таки нахожу в себе силы и поднимаюсь с постели и осматриваюсь. Что ж, комната совсем небольшая, стены черные, широкое окно закрывает серый тюль. Пол старый и потрескавшийся, немного стертый. Но мне нравится. Люблю, когда темно, свет не пробивается сквозь шторы и не врезается в глаза, только тогда мне уютно, будто мрак скрывает то, чем я ни с кем не хочу делиться.

Поднимаюсь с кровати и осматриваю небольшой деревянный комод и стол. Я не должна попусту растрачивать время, но возиться с вещами нет желания. Не люблю я раскладывать по местам то, что потом обязательно окажется черт-те где.

Раскрываю сумки и, особо не заморачиваясь, кучей запикиваю вещи в комод, а потом с трудом задвигаю ящик — дело сделано, и радости моей нет предела. На стол вываливаю книги из второй сумки. Складываю их в шатающуюся пирамиду. Сойдет! Вопрос, что завтра надеть в школу, меня не мучает. Не думаю, что это важно, тем более я не собираюсь производить впечатление — мне не до одобрения людей. Пусть сначала себя одобряют, а потом мне что-то высказывают.

Я стягиваю с себя ветровку и достаю из комода мятый свитер. В самый раз! Нахожу в пакете старые кроссовки — с протертыми пятками, но любимые — и выскиваю из комнаты, как из тюремной камеры. Мне нужно освежиться.

Не хочу встретить тетюшек, поэтому к выходу бегу на носочках, стараясь не скрипеть половицами. Естественно, все тонкости дома мне неизвестны, и к входной двери я крадусь, как бегемотиха, постоянно задевая что-то и снося на своем пути даже то, чего на моем пути не было. У выхода едва не роняю вазу с ярко-сиревыми орхидеями. Каким-то волшебным образом я подхватываю ее на лету, и на лбу у меня появляется испарина.

— Черт! — Господи, и что со мной? Поворачиваю ручку, дергаю дверь на себя и испуганно цепенею, увидев перед собой бледное лицо тети Мэри.

— Ари?

Вот же лажа! Мэри стоит в такой позе, будто давно меня поджидает. Я застываю от ужаса: лицо у нее бледнее снега, а глаза горят так, словно в них пляшет пламя.

— Я просто хотела...

— Что хотела?

— Прогуляться. — Я судорожно сглатываю и отбрасываю назад волосы. Мэри-Линетт выпрямляет спину. Взгляд у нее недоверчивый и пронзительный, кажется, она хочет испепелить меня прямо здесь.

— Ночью? Одна? — спрашивает она. — Глупая затея.

— Астерия — криминальный городок?

— Каждый город чем-то опасен. — Тетя Мэри неожиданно расслабляется. Ее плечи опускаются, а на губах появляется знакомая мне легкая улыбка. — Я с тобой пройдуся.

— Мне ведь не пять лет, тетя Мэри.

— Мне, знаешь ли, тоже, но я предпочитаю ходить в компании. И тебе советую.

— Все так плохо? — интересуюсь я и выхожу из дома.

Мэри-Линетт громко хлопает дверью и через несколько секунд оказывается рядом. Она решительно подхватывает меня под локоть. В небе ни звезды. Ветер замер, в воздухе плавают невыносимая жара. Мы идем по пустым улицам, тихо ступая по асфальту. Из открытых окон коттеджей доносятся голоса, музыка... Я пытаюсь убедить себя, что мой дом теперь здесь, но у меня ничего не получается. Это место *чужое*, пусть и красивое.

— Мне кажется или ты явно преувеличила, когда сказала, что здесь второй Детройт? — спрашиваю я у тети.

— Я просто не хочу, чтобы ты бродила одна по незнакомым улицам, — отвечает Мэри.

— Ну ладно, выкладывай: ты поджидала меня на пороге?

Тетя Мэри усмехается, опускает голову, и ее черные локоны как-то падают с плеч.

— Даже на улице тебя было слышно, — признается она, — сбежать из дома ты не умеешь.

— Да я никогда не пробовала.

— А я поставила рекорд. Мама постоянно вылавливала меня где-то.

— И почему ты убегала? — Я с интересом смотрю на Мэри-Линетт. Она красивая. Мне кажется, если она и сбежала, то для свиданий с плохими парнями, которые определенно не могли глаз от нее отвести.

— По разным причинам.

— Например?

— Например, меня раздражали правила, *вечные правила*, которые никто не вправе нарушать. Ты знаешь нашу бабушку. — Мэри бросает на меня лукавый взгляд и улыбается. — С ней трудно было спорить.

— Что за правила? — я почему-то усмехаюсь. — Мама никогда не говорила, что Силест держала вас в ежовых рукавицах.

— Может, потому, что твоей маме меньше всех досталось. Она уехала до того, как Силест атаковала нас параноидальными правилами. Знаешь, Реджина не была любимицей в семье, но она *всегда делала все правильно*, придаться к ней совершенно невозможно. — Тетя Мэри тяжело вздыхает. В глазах у нее мгновенно проносится столько чувств, что я не успеваю ухватиться ни за одно из них. — Она была хорошим человеком. Я уверена, останься она дома, проблем у нее не возникало бы.

— Да. — Я стискиваю зубы и опускаю голову: — *Была.*

— А знаешь, что самое смешное? Мы с Норин постоянно с матерью ссорились, рвались на свободу, будто одержимые, а Реджина слушала ее. *Всегда.* Но именно она уехала.

— Как? Как она решилась?

— Влюбилась.

— Серьезно?!

— Ну да! Встретила Люка, и все само собой завертелось. Мне исполнилось тринадцать, когда ты родилась. Я вообще мало что понимала. Но одно заметила: мама выдохнула, словно с ее плеч груз упал. Она прекратила свои издевательства, мы с Норин задышали! И я тогда не понимала, в чем дело. А сейчас...

— Сейчас понимаешь?

— Немного. — Тетя Мэри пожимает худыми плечами и неожиданно переводит на меня взгляд, полный вины: — Ты не против, что я... говорю о Реджине. Прости!

— Нет, что ты! — энергично киваю головой и придвигаюсь к Мэри-Линетт ближе. — Ты словно соединяешь меня с ней. Правда! Так хочется тебя слушать.

— Ты смелая, Ари.

— Скорее отчаянная. Наверное, стоит забыть обо всем. — Я отворачиваюсь. В груди покалывает. — Стоит отпустить маму, Лору и отца.

— Ну, ты поделись секретом, если получится, Ари! — горько улыбается Мэри-Линетт и вновь пристально глядит на меня. — Вряд ли кому-то удалось избавиться от воспоминаний. В отличие от хороших плохие воспоминания остаются с нами надолго.

Воздух становится прохладным. Я поправляю волосы, оглядываюсь и непроизвольно натыкаюсь на взгляды двух женщин, стоящих на другой стороне дороги. Они смотрят так пристально, что мне становится не по себе. Я дергаю тетю Мэри за руку:

— Что это с ними? — Незнакомки продолжают испепелять нас взглядами. Интересно, тут все такие дружелюбные? Я чувствую, как Мэри-Линетт с силой сжимает мою руку, и недоуменно перевожу на нее взгляд: — В чем дело?

— Ни в чем. — Мы ускоряем шаг. — Не обращай внимания.

— Я могу сделать вид, что ничего не случилось, но это странно. Чего они так пялились? Дай угадаю! Новенькие в Астерии не в почете?

— Ты тут ни при чем.

— Тогда кто при чем?

— Это долгая история, — отмахивается тетя Мэри, но я заинтригована и сбита с толку. В Северной Дакоте никто не стал бы церемониться и уже давным-давно врезал бы таким любопытным идиоткам по лицу. — Нашу семью в Астерии недолюбливают, ты же знаешь.

— Думала, все это выдумки. — Я удивленно вскидываю брови и усмехаюсь: — Неужели жители Астерии действительно сторонятся коттеджа Монфор-л'Амори?

— И не только коттеджа. Вместе с предками нам по наследству перешли еще и глупые предубеждения. Вот что значит — пускайте корни в новом месте, иначе застрянете вместе с паразитами. — Мэри-Линетт хмыкает и тянет меня в обратную сторо-

ну: — Думаю, нам пора возвращаться. Если тебе завтра в школу, нужно идти спать.

— Но чего именно боятся горожане? — спрашиваю я. — Мама ничего мне не рассказывала об этом.

— И хорошо, иначе спала бы ты, моя дорогая, по ночам совсем не сладко.

— Я заинтригована. Расскажи, тетя Мэри.

— Ну что ты как маленькая!

— Но мне правда интересно.

— Нет в этом ничего интересного, — всегда веселая и общительная Мэри-Линетт становится печальной. Она отводит взгляд в сторону и шепчет так тихо, что я едва слышу: — Я многое отдала бы, чтобы никогда об этом не знать.

Глава 2

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я собиралась поехать в школу на машине. Но утром меня разбудили яркие солнечные лучи. Они прорывались сквозь толстые серые шторы, и я, не веря, поднялась с кровати.

В Северной Дакоте все дни промозглые и холодные. Нет, случается тепло, но так редко, что я забывала, каково это — нежиться утром на солнышке. Глупо, да, но у меня возникло желание пройти пешком по солнечной Астерии, и я понеслась в ванную комнату, дабы не терять времени зря.

Волосы после душа торчали в разные стороны. Я взъерошила их пальцами, пригладила и не глядя вытащила вещи из комода: старую футболку «Рамоунз» и нелюбимые джинсы, потертые и дурацкие, но я нашла их на барахолке и отдала всего три бакса. Экономия стоила того. Сидели они нормально, пусть и бесили меня.

Я никогда не переезжала и ходила в одну школу, поэтому понятия не имела, что нужно взять с собой. Какая разница? Ну, не съедят же меня, если я не возьму пару лишних тетрадей. Ну а даже если и скажут что-то, то пожалеют. Я школу никогда не любила. Правда, есть одна проблема: тут я никто. Нет моего отца, который вставал на мою сторону, что бы ни происходило. И мамы нет, которая взорвала бы мозг обидчикам психологическими формулировками и убеждениями. Тут я одна. Меня никто не спасет, не прикроет, придется самой отвечать за свои поступки. А если учесть, что у семьи Монфор здесь не так много друзей, легко точно не будет.

Спускаюсь по лестнице, скользя ладонями по шероховатым перилам. Этот дом такой старый, но в то же время есть в нем что-

то завораживающее. Наверное, меня очаровывает неизвестность. По этим ступеням ходили моя мама, моя бабушка и ее мама. Разве в это так просто поверить? О нет! Как представляю себе призрачные голоса, гуляющие по мансарде, так сразу душа леденеет.

— Ари, зайди на минутку, — слышится с кухни голос тети Норин, и я послушно иду к ней, на ходу разминая плечи. Поспать нормально не получилось. Я ворочалась, невольно вспоминая то, о чем хотела бы забыть. — Твои завтрак и обед.

Тетя Норин, одетая в закрытый свитер и плотные брюки, протягивает мне упаковку с чем-то горячим. Я благодарно улыбаюсь.

— Спасибо, — говорю я и прячу еду в сумку.

— Ты прекрасно выглядишь, — улыбается Норин. Она спокойна, но робка. Такое впечатление, будто тетя всеми силами старается выглядеть отрешенной. — Знаешь, ты очень похожа на бабушку. Тебе говорили?

— Да. Пришлось рассказать, ведь ни у кого в нашей семье нет огненно-рыжих волос. — Я криво ухмыляюсь: — Такое трудно скрыть.

— Глаза у нее тоже были изумрудными, — задумчиво продолжает тетя, приближаясь ко мне почти вплотную, — поразительное сходство.

Неуверенно улыбаюсь. Не знаю, почему сравнение с бабушкой заставляет мою кожу покрыться мурашками, будто бы Силест Монфор была опасным и чужим человеком.

Я собираюсь уйти, однако тетя Норин вскидывает руку и восклицает:

— Подожди, совсем забыла! — Она подбегает к шкафам с травами. Ищет там что-то, бормоча себе что-то под нос. Я с любопытством наблюдаю за ней. Когда тетя Норин выпрямляется, в пальцах у нее перевязанный пучок каких-то сухих растений: — Держи!

Я недоуменно вскидываю брови, но все же принимаю подарок:

— Что это?

— Люцерна.

— Люцерна?

— Это к удаче, Ариадна. Спрячь в сумку или в карман джинсов. Станет страшно, просто прикоснись к ней. Волнения исчезнут, я обещаю.

Растерянно гляжу на тетюшку. Так-так, *мамины штучки*. Она тоже любила говорить нечто подобное, пропитанное магическим смыслом и звучащее как полная околесица. Травы, приносящая удачу? Ну а почему бы и нет, верно?

Я натянуто улыбаюсь:

— Спасибо.

— Я серьезно, — будничным тоном говорит тетя Норин. — Мысли материализуются, а люцерна поможет тебе направить их в нужное русло.

— Окей. Как скажешь.

Я усмехаюсь, но траву не выбрасываю. Прячу ее в сумку и выхожу из кухни. У меня чокнутая семейка. Если все Монфор-л'Амори верили в то, что травы приносят удачу, а сны становятся явью, неудивительно, что никто не рвался с ними общаться.

Я выхожу из коттеджа и невольно улыбаюсь. Вот уж не думала, что смогу улыбаться. После смерти родителей и Лоры мое сердце превратилось в глыбу льда. Несколько долгих месяцев я не могла даже слова произнести, не то что встать или рассмеяться. А теперь на моем лице плавает легкая улыбка. Возможно, я привыкну, буду жить дальше.

Я хочу верить в лучшее, потому что прыгать с крыши не собираюсь. Выходит, мне остается или взять себя в руки и послать к черту всю боль, что наполнила мое сердце, или согнуться под ее тяжестью и провести оставшуюся жизнь в скитаниях по тем воспоминаниям, которые мелькают в голове.

Что я выберу? Или, точнее, на что у меня хватит сил?

Астерия — небольшой городок. Уверена, почти все уже знает о моем переезде. Мне даже мерещится, что за мной кто-то следит, идет буквально по пятам! Я постоянно оборачиваюсь, но натываюсь не на скрывающегося в кустах незнакомца, а на удивленные лица, местные жители открыто и нагло провожают меня настороженными взглядами. Так и хочется вернуться домой и встряхнуть правду из тети Мэри. С чего вдруг такое отношение к нашей семье? Ладно-ладно, возможно, тетя Норин десять минут назад и предложила мне засохшую траву, которая каким-то волшебным образом должна помочь мне. Ну

и что? Соседи ведь смотрят на меня не как на чудачку, я вдруг думаю, что они меня боятся. Но с какой стати? Это очень странно.

Я плутаю по улицам, понятия не имея, куда мне идти. Господи, что же такое! Я даже не подумала, что в таком крошечном городке можно потеряться. Школа должна находиться в центре, а все дороги вести к центру. Разве не так?

— Я идиотка, — констатирую я, застыв перед очередным тупиком, и запускаю пальцы в волосы. Мне бы путь спросить, но, едва я оборачиваюсь, люди начинают идти быстрее. Мамочки подталкивают своих детей вперед, мужчины закрывают в машинах окна. Вот это меня не просто удивляет, а раздражает. Что они творят? — Дьявол!

— На твоём месте я не выражался бы таким образом, — неуверенно и, как по мне, так ещё и заторможено, произносит кто-то, и я резко оборачиваюсь.

У стены стоит невысокий парень. На вид ему столько же, сколько и мне, а ещё у него прямоугольные очки, древние кроссовки и зачесанные набок — ох, реально ведь! — волосы. Я прыскаю со смеху и переспрашиваю:

— Что?

— Я про дьявола.

— А что с ним?

— Когда подобные фразы слетают с языка представителей семьи Монфор, на улицах становится пусто и одиноко. Если ты не хочешь нарваться на неприятности...

— На какие ещё неприятности? Ты кто вообще такой?

— Я Хэрри. Или, если точнее, Хэйдан Эбнер Нортон, — парень неожиданно подскочил ко мне. Рукопожатие у него что надо. Чуть не взыв от боли, я возмущенно отстраняюсь. — Приятно познакомиться.

— Ага! Не то слово. — Я вновь гляжу на незнакомца. Ох, ну и видок у него! Приходится быть милой, хотя обычно с добротой у меня проблемы, но я решаю пересилить себя и даже улыбаясь, что мне отнюдь не свойственно. — Мне пора, я в школу опаздываю, прости. До встречи!

Которой не будет.

Злорадствую и поворачиваюсь к парню спиной, однако уже через несколько секунд он оказывается справа от меня и причмокивает, издеваясь над жвачкой. Вот же черт! Разве можно быть таким навязчивым?

— Я не понравился тебе, ну я никому не нравлюсь, — гордо заявляет он, и я внимательно смотрю на него. Станный парень. — Но я могу проводить тебя до школы.

— С чего ты взял, что меня нужно провожать?

— Да ты плутаешь уже минут двадцать.

— Я не... Эй! — Я притормаживаю перед пешеходным переходом. Грудь наливается кипятком. — Откуда ты знаешь? Ты за мной шел?

Парень покачивает головой, взвешивая варианты, а затем признается:

— Да.

— Да? Ого, какая честность.

— Ты все равно узнала бы правду.

— И каким же образом?

— Ну как же! Все эти вуду-штучки семьи Монфор. — Хэрри, или как его там, усмехается и подталкивает меня вперед, когда загорается зеленый. Вот же наглец! — У нас с тобой на самом деле много общего.

— Да неужели!

— Ну, я так думаю. Ты *наткнулась* на тупик, а я *в тупике* уже последние шесть лет.

— Почему именно шесть?

— Потому что ровно столько я учусь в старшей школе.

— И чем плоха старшая школа в Астерии?

— Любая школа плоха, когда у тебя нет друзей, — парень громко чавкает жвачкой и пожимает плечами.

— Знаешь, трудно найти друзей, когда ты преследуешь людей на улицах. Не думаю, что кому-то это нравится. Кажется, в законе даже статья есть по этому поводу.

Мы подходим к невзрачному четырехэтажному зданию. Хэрри или Хэйдан — *ну и имечко* — упирается взглядом в асфальт и засовывает руки в карманы джинсов. А я с интересом изучаю темно-желтое здание, заполненную стоянку и плакаты, нарисованные

чьей-то кривой рукой. Да уж! Выглядит все так, словно здесь держат под замком сотни детей.

— Что ж, Хэрри, — я перевожу взгляд на парня и задумчиво прикусываю губу. У незнакомца красивые глаза. Жаль, что он скрывает их под нелепой оправой очков. — Ты расскажешь мне, зачем ты меня преследовал?

Хэрри поправляет рюкзак и отклоняется, когда какой-то футболист проходит мимо. Я неожиданно понимаю, что ему здесь серьезно попадает. Мои руки вспыхивают.

Парень робко улыбается, косится в сторону спортсменов, проверяя, ушли ли они, и говорит:

— Я живу рядом, поэтому и шел за тобой. Думал, ты заблудилась.

— Так ты пытался мне помочь? — Я улыбаюсь: — Мило. — Впрочем, это совсем не мило, но мне вдруг хочется поддержать этого странного парня в огромных очках. Я тут еще никого не знаю, вот и будет друг. От своих же мыслей мне хочется смеяться. — Может, мы с тобой на обеде встретимся? Расскажешь, что здесь и как, а?

— Ну... я... — Хэрри смотрит в сторону, а затем переводит на меня растерянный взгляд: — Что?

— Давай вместе пообедаем. Тут же есть столовая или кафетерий.

— Ты серьезно?

— Да, вполне.

— Звучит здорово. Классное предложение, да, — парень улыбается. И улыбка у него красивая, мне приходит в голову, что парню стоит сменить имидж, тогда и друзей у него прибавится.

— Меня зовут Ариадна.

— Хэрри.

— Я помню.

Парень хлопает себя по лбу и медленно отходит в сторону.

— Увидимся, верно?

— Ага, — я киваю и закатываю глаза. — Пока!

Мы расходимся, а я почему-то смеюсь. Уже второй раз за день! Или третий? Может, тетя Норин была права и эта — как ее там — люцерна действительно приносит удачу?

Школа Астерии небольшая и непримечательная. Главный административный корпус построен из темно-желтого камня. Остальные здания — из темно-красного кирпича, и только вывеска говорит о том, что здесь учатся дети, а не отсиживают свой срок преступники.

Площадь перед главным входом забита подростками. Многие из них глядят на меня, а если точнее, то смотрят на меня *почти все*. Но я слишком увлечена своими мыслями и потому не реагирую. Могут пялиться весь день — мне все равно.

Внутри так светло, что я прищуриваюсь. Повсюду люминесцентные лампы, на окнах — ни жалюзи, ни занавесок. Все открыто и гласно. Уверена, что каждое сказанное мною слово станет достоянием публики. Это отвратная перспектива, я ужасно люблю ругаться и поливать грязью тех, кто поливает грязью меня.

Девушки улыбаются и отворачиваются, когда я прохожу мимо, *очень тактично с их стороны*, чего не скажешь о парнях, которые смотрят на меня почти плотоядно, будто собираются накинуться на меня. Да уж, просто изголодавшиеся животные. Несколько высоких незнакомцев в бело-синей спортивной форме проходят мимо. Они специально задевают меня плечами, а потом, обернувшись, хохочут, словно отпустили классную шутку. Это у них такой способ снять подружку? Класс! Я одергиваю футболку и пытаюсь найти расписание. Понятия не имею, куда идти. Прикасаюсь пальцами к засохшей люцерне тети Норин, которая торчит из моей сумки. А вдруг поможет?

Как это работает? Я продолжаю идти, но теперь сжимаю перевязанный пучок вкусно пахнущей травы. Наверняка надо попросить. Ну что ж: *«Дорогая люцерна, я Ариадна Блэк, и я очень хочу найти кабинет администрации. Мне осточертело ходить по этим похожим коридорам. Смотреть на эти лица и мечтать о том, как я подрываю школу к чертовой матери. Пожалуйста, направь меня!»*

Приподнимаю подбородок. Не работает. Нужно просить лучше? Хорошо: *«Я обещаю, что постараюсь посещать почти все уроки»*. Вновь смотрю по сторонам. *«Ну и, возможно,*

я даже улыбнусь кому-то». Черт возьми! Ничего не получается. Я встаю возле стены с каким-то ярким плакатом и недовольно хмурю брови.

Оглядываюсь, но вижу лишь незнакомые лица. Прикрываю глаза и ощущаю, как в груди громко стучит сердце. Хочу выглядеть сильной, хочу казаться равнодушной и уверенной. Но на самом деле мне страшно. Меня никогда не заносило так далеко от дома, я никогда не была одна. Здесь все не то, перекошенные лица, настороженные взгляды.

— Мисс Блэк?

Открываю глаза. Передо мной седовласый мужчина с горбатым носом и со смешными усами. На нем простой черный костюм, на рубашке поблескивают серебристые запонки. Лицо у него доброе, морщинистое — наверное, часто улыбается.

— Ариадна Блэк? — переспрашивает он.

— Да, это я.

— Отлично! Я директор Барнетт. Почему вы тут стоите? Я ждал вас в кабинете!

— Если честно, я потерялась.

— Серьезно?

— Ну, у вас тут настоящий лабиринт.

— Что ж, моя дорогая, тогда я вас проведу. Пойдемте. Кстати, — директор улыбается и подходит ко мне так близко, что я чувствую запах его дурацкого одеколona, — вам знакомо словосочетание «нить Ариадны»? Вашей тетки.

Я с интересом смотрю на него, а он улыбается еще шире:

— В древнегреческой мифологии именно Ариадна помогла Тесею, сыну Эгея, найти выход из лабиринта! И наши запутанные коридоры не должны приносить вам неудобств. — Мы шагаем вдоль кабинетов, мистер Барнетт вежливо молчит и ждет моего ответа, но я не знаю, что сказать. Пожимаю плечами и предполагаю:

— Возможно, я растерялась.

— Будет вам! По какой причине? Хотя, — говорит мужчина, открывая дверь в свой кабинет, и пропускает меня вперед, — не отвечайте. Я догадываюсь, в чем проблема.

— Правда?

Мистер Барнетт кивает, приподняв уголки губ, а затем усаживается за огромный деревянный стол, заваленный документами, папками и прочей дребеденью. Солнце лениво освещает его пожилое лицо, но я почему-то думаю, что этому мужчине нет и пятидесяти. Слишком молод его голос, и огонек блестит в глазах.

— Мы в Астерии судим людей по их родословной, — ворчливо комментирует он. — У вас она довольно интересная, вы понимаете, о чем я. Совсем неудивительно, что здесь вам не доверяют, мисс Блэк. Издержки Средневековья. Недостатки воспитания.

— Южное гостеприимство, — добавляю я, фальшиво улыбаясь.

— И то верно, мисс Блэк! Но хочу, чтобы вы помнили: когда вы пересекли порог моей школы, вы начали новую жизнь. И да, меня не волнует это, — он кивает на толстую папку, лежащую на его столе: наверное, мое личное дело, — и это, — теперь он указывает на какой-то лист с круглой ярко-синей печатью. — Ваше прошлое осталось позади. Я забуду о нем, и вам советую. А люди... Переубедите их!

— В смысле?

— Они считают вас такой же странной, как и ваши тетушки. Норин и...

— ...Мэри-Линетт.

— Верно! — он щелкает пальцами и указывает на меня. — Вылетело из головы.

— Не понимаю, чем моя родословная вам так приглянулась. О чем шепчутся люди?

Директор откашливается и поудобнее устраивается в кресле:

— Узнаете, моя дорогая. Вам придется узнать.

— Вы меня заинтриговали.

— Хорошо, что не испугал! Двери моего кабинета всегда открыты. Если будут какие-то проблемы, обращайтесь. И постарайтесь привыкнуть к тому, что в Астерии на вас накинута, как на свежее мясо. У нас редко появляются новенькие.

— Я заметила, — усмехаюсь и пожимаю плечами. — Мне можно идти?

— Да. Возьмите расписание у секретаря.

— Хорошо.

— Мисс Блэк, — слышу я уже на пороге, оборачиваюсь и замечаю, что мужчина нервно дергает уголками губ, — постарайтесь не попадать в неприятности, пусть я и понимаю, что неприятности определенно попытаются свалиться на вашу прекрасную голову.

Он улыбается, но что-то мне подсказывает, что он тоже верит во все байки, рассказанные про моих тетюшек. Интересно! Сегодня же устрою дома допрос с пристрастием.

— Конечно, — я улыбаюсь и киваю. — Буду стараться изо всех сил.

Выхожу из кабинета с выпрямленной спиной. Если люди хотят видеть во мне девушку с темными тайнами, опасными родственниками и черным прошлым — хорошо.

Так даже веселее.

Смотрю на листок с расписанием и морщусь: *черт возьми!* Тетя Норин сошла с ума? Господи, вот это предметы! Химия? Биология? Астрономия?

— Проклятье! — вырывается у меня. Литература два раза в неделю, зато почти каждый день биология. Это что, карма? Да, я помню, что клятвенно пообещала люцерне ходить на уроки, но не на такие же.

Я иду по широкому коридору. Подростки не перестают разглядывать меня, а я надеюсь быстро отыскать нужный класс. Меня безумно раздражает перспектива находиться под пристальным вниманием всех и каждого, но против клише не попрешь. Таков банальный стереотип: *если ты новенький, выкуси по полной программе*. А кто я такая, чтобы эти стереотипы разрушать?

Спрашиваю у какой-то бледной девушки, где кабинет биологии, и она как-то робко показывает вперед. Ну и реакция у людей на меня, сразу и не привыкнешь.

Я хмыкаю, иду дальше и наконец нахожу нужный класс. Захожу и передаю учителю формуляр.

— Мисс Блэк? Добро пожаловать! — его голос звучит вовсе не доброжелательно.

Он пишет что-то в моей бумажке, а я тайком наблюдаю за классом. Кто-то робко перешептывается, некоторые внаглую изучают меня, как экспонат в музее. Парни на задних партах толкают друг друга и ржут, я громко вздыхаю.

Парты в классе необычные, стулья низкие, почти никто на них не сидит. В основном ребята, видимо, работают стоя.

— Вот, возьмите, — учитель, неприятный и лысый тип, протягивает мне формуляр, на его лице мелькает подобие улыбки, — садитесь. Звонок уже прозвенел.

«Садитесь». Звучит как «сломайте шею, пока ищете свободное место». Или, может, это какая-то особая шутка? Никто не сидит, а вы, мол, садитесь. В лужу.

Еще раз оглядываю класс, нервно переминаюсь с ноги на ногу и понимаю, что лишь один человек в кабинете на меня не смотрит, а стоит у стола и конспектирует что-то в своей тетради. *Парень*. Ну, естественно. Еще бы свободное место нашлось рядом с какой-то милой девчонкой. Планета перевернулась бы и разлетелась на части. С виду парень нормальный: ни татуировок, ни сальных волос. Стоять без движения больше нельзя, и, так как никаких вариантов в голову больше не приходит, я останавливаюсь рядом с высоким незнакомцем и скидываю с плеча сумку.

Парень медленно поднимает на меня взгляд, а я через силу цежу:

— Привет.

Он несколько секунд меня осматривает, а потом отворачивается и продолжает что-то записывать в толстой тетради. Ага, неразговорчивый — то что нужно.

— Сегодня второй и завершающий этап лабораторной, — лениво объявляет учитель. У него лысина так блестит и сверкает, будто бы он целое утро натирал ее воском. — Никто не уйдет, пока не сдаст работу. Вас это тоже касается, мисс Монфор.

— Вообще-то Блэк, — поправляю я, выдавив жуткую ухмылку.

— Кстати, поприветствуйте нашу новую ученицу. — По кабинету проносится какофония звуков, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закрыть руками лицо: какой кошмар. — А теперь приступайте. Живее!

Отлично. Первый урок, а уже возненавидела биологию. Отворачиваюсь от учителя и перевожу взгляд на парня. Наверное, ему не очень-то хочется работать со мной.

Парень высокий, выше меня на голову уж точно. У него черные волосы, на подбородке широкий кривой шрам. Любит подраться? А так и не скажешь.

— Фанатка «Рамоунз»?

Облокотившись о высоченную парту, я удивленно вскидываю брови:

— В смысле?

— Твоя футболка, — парень отрывает взгляд от тетради и указывает на надпись.

Не думала, что он заметил, и растерянно встряхиваю волосами:

— Ну да.

— Круто. — Он возвращается к работе и практически ложится на стол, записывая на полях какие-то вычисления. Я придвигаюсь ближе.

— Чем вы тут занимаетесь? Это биология, а не ядерная физика.

— Не любишь биологию?

— Это вопрос или утверждение?

— Значит, не любишь.

— Нет, — качаю я головой, — терпеть ее не могу.

— Тогда тебе не повезло.

— Почему?

— Она почти каждый день.

Смеюсь и усаживаюсь на маленький табурет, который здесь явно в насмешку называют стулом. Теперь я почти скрыта от глаз лысого учителя, и мне становится немного легче.

— Какая тема лабораторной?

— «Плазмолиз и деплазмолиз в клетках эпидермиса лука».

Хлопаю ресницами и смотрю на парня так, словно он свихнулся. Неужели он только что взял и выговорил это вслух? Да, я нашла отличного напарника. Может, он и списать даст? В конце концов, он первый, кто не сказал ни слова о моей семье.

— Послушай, работу надо сдать сегодня. Но я...

— Бери, — незнакомец кивает на записи и приближается к микроскопу. — Естественно, ты не успеешь. Я в курсе. — Он меняет стеклышки, крутит что-то на штативе, а я гляжу на него заторможенно. Добрых людей не бывает. Или он идиот, или задумал что-то. — Быстрее только, я собираюсь сдать работу и уйти раньше.

— Хорошо, спасибо, — я встаю со стула и достаю из сумки единственную тетрадь, которую взяла для всех предметов. Открываю на первой странице, черчу таблицу, в точности такую же, как у парня, и кидаю на него косой взгляд. Он копошится с микроскопом. Станный. Вроде симпатичный, а любит учиться. Такое бывает? — Как тебя зовут? — неожиданно для самой себя спрашиваю я. Ну, кажется, я свихнулась, раз решила первой пойти на контакт.

Незнакомец глаз от прибора не отнимает и спокойно отвечает:

— Мэтт. — А имя посредственное. Я ожидала услышать нечто громкое, вроде *Дамиан*, *Кристофер* или *Джером*. — А ты — Ариадна. — Он все-таки отрывает взгляд от микроскопа и смотрит на меня. Глаза у него темно-синие — только сейчас заметила. — Верно?

— Ари, — списывая, соглашаюсь я. Делаю я это быстро: у меня долгие годы практики.

— Как тебе Астерия?

— Интересный городок.

— «Рамоунз» тут не слушают, если что, — сообщает он.

— И почему?

— Ты видела церковь у въезда? А на центральной площади? У школы?

— Ого, так здесь все верующие. — Я смотрю на парня скептически: — Религиозная дыра?

— Что-то вроде того, — соглашается Мэтт и удаляет фильтровальной бумагой раствор поваренной соли с предметного стекла. — Ты все? Я хочу сдать работу.

— Еще пара секунд.

Облизываю губы и наклоняюсь над записями, словно собираюсь окунуться в них с головой. Волосы падают на тетрадь, я откидываю их, но они опять падают.

— На следующий урок нужно принести гербарные экземпляры растений одного сорта, — предупреждает меня парень, забрасывая вещи в черный рюкзак. — Если не хочешь больше списывать, подготовься.

— А если хочу? — Я ставлю точку, с довольным видом закрываю тетрадь и передаю ее Мэтту. Он вскидывает брови, а я невинно пожимаю плечами: — Я не люблю биологию.

— А я не люблю, когда у меня списывают, так что пересиль себя, Ари. — Он забирает записи и коротко кивает: — Еще увидимся.

Я машу ему рукой. Кажется, мне действительно придется собирать этот чертов гербарий. Проклятье!

Глава 3

ТАЙНЫ МОНФОР-А'МОРИ

Я с легкостью нахожу столовую. Следую за потоком подростков, сливаюсь с ними и становлюсь частью *неминуемого взросления*. Ученики так рьяно врываются в кафетерий, что сбивают друг друга с ног. Они хаотично разбредаются, а я останавливаюсь в проходе и осматриваюсь: так, и что дальше?

Понятия не имею, куда идти. Свободных столиков нет. Придется подсесть к кому-то, но в таком случае я лучше сразу на лбу себе выжгу: *идиотка* или *неудачница* — на выбор.

Я осматриваюсь, поправляю ремень сумки и неожиданно замечаю Хэрри, сидящего за круглым столиком в глубине столовой. Отлично. Вот и спасение. Парень машет мне рукой и кивает раз, наверное, десять, и я иду к нему, едва заметно усмехнувшись. Странный. Он очень-очень странный. Нужно сказать ему, чтобы он перестал зачесывать набок волосы.

— Привет еще раз, — говорю я, садясь напротив. Парень смущенно поправляет очки и кивает — в одиннадцатый раз. — Думала, ты не придешь.

— И я так думал. В смысле думал, что не придешь ты, а не я.

— Отлично. Вот мы оба здесь.

— Да. Ну... — Хэрри чешет шею, — как тебе первый день? Уже завела друзей?

— Интересный вопрос, Хэйдан. Дай подсчитаю! — Я задумчиво загибаю пальцы, гляжу куда-то в потолок и киваю: — У меня появился один друг.

— Один?

— Один.

— И кто он?

— Ты, конечно, я ведь с тобой сижу.

— Я твой друг? Офигеть! — Хэрри широко улыбается и двигает очки на переносице.

— Тебя это так удивляет? — Если честно, меня это тоже удивляет, ведь Хэйдан следил за мной, а потом начал тараторить про какую-то вуду-магию. — Ты милый парень.

— Я милый парень, — довольно повторяет он и хвастливо говорит какой-то девчонке, проходящей мимо: — Она сказала, что я милый, ясно?

О господи! Я смеюсь и достаю из сумки еду, которую мне дала тетя Норин. Есть хочется так жутко, что я раскрываю пакет дрожжами пальцами.

— Зачем ты шел за мной? — жуя сэндвич, интересуюсь я. Хэрри перестает улыбаться и придвигается ко мне почти вплотную, облокотившись на стол. — Что?

— Ты не знаешь?

— Чего не знаю?

— На тебя все смотрят.

— Я новенькая.

— Но дело не в этом, Ариадна. — Хэйдан морщит густые брови, торчащие из-под очков, и я недовольно вздыхаю. — У тебя семья...

— ...очень странная, — заканчиваю я, встряхнув волосами. — В чем проблема?

— В смысле?

— Что не так с моими родственниками? Я здесь всего сутки, но уже ощутила весь шквал южного гостеприимства. Или вы спятили, или я сошла с ума. Одно из двух.

— Удивительно, — поражается парень и откидывается на спинку стула, вид у него недоуменный, — как ты не можешь знать о том, о чем знают все?

— И о чем все знают?

— О том, что с семьей Монфор связываться опасно.

— Опасно? — смеясь, повторяю я и опускаю голову. Волосы каскадом падают на стол. — Ну да, тети Норин и Мэри-Линетт действительно ночные головорезы. Как ты узнал?

— Тебе смешно? — спрашивает он, подперев ладонями подбородок, а я киваю. Мы так и буравим друг друга взглядами, пока Хэрри не усмехается: — Только подумать, город на ушах стоит, а ты смеешься.

— Ты тоже смеешься.

— Это нервное, а я, знаешь ли, часто нервничаю. У меня даже язва развилась, теперь я ем только невкусную еду. В смысле, полезную.

Я вновь смеюсь, оглядываюсь и внезапно примерзаю к месту. Руки заледенели, легкие сводит судорогой. Пытаюсь шевельнуться, но не могу. Смотрю на гигантские окна, которые, будто стены, огораживают кафетерий, и не дышу. За прозрачной стеной стоят дети. Среди них маленькая девочка лет восьми или девяти с угольными волосами. Я ощущаю слезы. Они застревают в глазах, словно щепки. Время замирает, есть эта девочка, ее искренняя улыбка, тонкие ручки и смешной сарафан. Лора любила такие вещи.

Я любила Лору.

Призрак моей сестры так и стоит перед глазами: смеющийся и *живой*. Вот она идет в желтом сарафане, держит меня за руку, хохочет. Просит покатасть ее на спине, купить шоколадное мороженое с миндальной стружкой. И я покупаю, потому что, как сильно я ни пыталась бы выглядеть взрослой надменной сестрой, я обожаю этого маленького монстра, который изо всех сил сжимает мои пальцы. *Вот же она — здесь*, за стеклом, в двух или трех шагах от меня. Я приподнимаюсь, судорожно замираю, а детей уже нет. Лоры уже нет.

Сердце неистово гроыхает в груди. Этот стук заполняет кафетерий, забивает все звуки, которые могли бы вернуть меня к реальности. Я гляжу на стеклянную стену, в окно и мечтаю опять увидеть эту девочку, опять увидеть Лору.

— Эй, ты чего? Эй!

Резко оборачиваюсь. Хэрри уже не сидит напротив, а стоит рядом и тербит меня за плечо. Я растерянно хлопаю ресницами.

— Все в порядке, Ари? Ты, кажется, отключилась.

— Я... я просто... — Оглядываюсь и вижу, что все в столовой смотрят на меня и молчат. Вот почему не слышно звуков — их нет. — Мне пора идти.

Я резко срываюсь с места и закидываю в сумку еду.

— Пойти с тобой? — взволнованно спрашивает Хэйдан. Он нервно поправляет очки, а я встряхиваю волосами, отрицательно качая головой. — Точно?

— Все нормально.

— Но, Ари...

— Еще увидимся.

Я срываюсь с места и несусь к выходу, вдруг замечаю взгляд Мэтта. Он, как и все, глядит на меня растерянно. Вот и подтвердились опасения горожан: я чокнутая.

Выбегаю из школы и решительно иду в неизвестном направлении. Руки до сих пор трясутся, и мне кажется, я действительно видела Лору, чего быть не может. Вероятно, я сошла с ума. Люди говорят, какая моя семья странная. Может, так и есть?

Я перебегаю дорогу, оглядываюсь и вижу черную крышу школы, которая через какое-то время становится лишь смазанным пятном, но даже сейчас я ощущаю презрительные и недоуменные взгляды толпы. Подростки глазели на меня. Глазели и молчали.

Я залетаю, словно торнадо, в магазин. Достая из кармана пять монет, хватаю с прилавка воду и подбегаю к кассе, меня быстро обслуживают. Тут же открываю бутылку и пью как одержимая. Горло саднит и першит. Я чувствую себя слетевшей с катушек. Выхожу из магазина и выдыхаю. Я должна взять себя в руки. Ничего ведь не произошло.

— Да, — киваю самой себе и вновь отпиваю воду. — Все в порядке, все отлично.

Прячу бутылку в сумку и ерошу волосы. Они отдают бронзой на солнце. Мне никогда не нравился рыжий цвет, а мама их любила. Говорила, у бабушки были такие же.

На самом деле о родных мне известно мало. Честер Монфор — мой дед — умер почти четырнадцать лет назад. Силест Монфор — три года назад. В живых со стороны мамы не осталось никого, кроме Норин и Мэри-Линетт.

О папе я знаю больше. Его родители живут на западном побережье — Кларисса и Сэм Блэк. У них трехэтажный домик, большой катер и огромный бежевый лабрадор. Ну и не стану лгать: катер они любят больше, чем меня, мою маму и всю нашу семей-

ку, потому виделись мы с ними всего два раза за всю мою жизнь: на Рождество одиннадцать лет назад и на первый день рождения Лоры. Как-то я спросила у отца, в чем дело. Он ответил, что его родители — своеобразные, упрямые люди, ему пришлось нелегко, когда он сбежал от них в Астерию. Собственно, поэтому органы опеки и приняли решение отправить меня к тетушкам на восток, а не в Риверсайд — райскую Калифорнию.

Сейчас я жалею, что задавала мало вопросов. Как узнать правду, если не у кого спрашивать? Нужно провести собственное расследование.

Я усмехаюсь и качаю головой. Бреду вдоль единственной знакомой мне дороги, по которой я шла утром с Хэрри, и неожиданно замечаю на перекрестке столпившихся людей. Они мнутя около машины. Не сразу понимаю, в чем дело, пока не вижу смятый велосипед под ее колесами.

— О нет, — вырывается у меня. Авария. Люди в панике, а меня пробирает дрожь.

Неожиданно рядом со мной появляется незнакомка. Огромными, налитыми ужасом глазами она смотрит на место аварии и не двигается. Она жутко бледна, наверное, под колеса попал ее знакомый. Сначала я хочу пройти мимо, но потом невольно застываю:

— Вы как? Вам нужна помощь?

Незнакомка молчит. Ее стертые в кровь руки трясутся и кажутся совсем тонкими.

— Врачей вызвали? — вновь спрашиваю я. В курсе ведь, что ей не до разговоров, но почему-то не могу заткнуться. — Велосипедист сильно пострадал?

— Сильно, — наконец отвечает она.

Я приглаживаю ладонью волосы и подбегаю к толпе. Нужно вызвать «Скорую»! Почему никто не вызвал «Скорую»? Злость вспыхивает во мне — на кону каждая секунда, а все лишь болтают!

— Вызвали «Скорую»? — спрашиваю я у пунцовой от жары женщины. — Вызвали?

— Я не...

— Что? Эй! — я хватаю под руку какого-то низкорослого мужчину и с силой тяну на себя. У него порез над бровью. Кажется,

именно он сбил велосипедиста. — Что вы сделали? — Мои глаза округляются и наливаются непонятной мне обидой.

— Я не хотел, я не видел...

— Кого не видели?

— Ее! — восклицает он и закрывает волосатыми руками лицо. Его шатает из стороны в сторону. — Она неожиданно вывернула из-за угла.

Я рассматриваю кровавое пятно на сером асфальте, заломленную руку, синеватые ниточки вен, которые тянутся по локтю к плечам и шее, безжалостно стертой асфальтом.

А потом вижу бледное лицо с огромными распахнутыми глазами.

Мне нечем дышать.

— О господи, — шепчу я, прижав ладони ко рту, — не может быть.

Качаю головой, вновь смотрю на девушку, а потом отскакиваю назад, будто бы меня пихнули в грудь. Оборачиваюсь. Мир кружится, смазывая картинки вокруг. Я вспоминаю, как несколько минут назад разговаривала с этой девушкой, и никак не могу соединить две составляющие в одну линию: как же я могла с ней говорить, если она лежит под колесами машины? Спину обдаёт холод. В панике я оглядываюсь, но ничего не понимаю.

— Невероятно!

Резко срываюсь с места. Я должна уйти. Уйти отсюда!

Какая-то женщина говорит за моей спиной: «Это же Монфор!» Поднимается гул. Меня провожают настороженными взглядами, а я бегу со всех ног, не обращая ни на кого внимания. Наплевать! Наплевать! Что это было? Я сошла с ума?

— Нет, это какая-то бессмыслица!

Я не могла видеть эту девушку, не могла говорить с ней. Наверное, у меня жар. Или переутомление. Я не спала почти всю ночь и толком не ела. Это галлюцинации, как и те, что были у меня после аварии, когда я почти каждый день видела маму.

Смахиваю с лица испарину, я наконец у коттеджа Монфор-л'Амори. Не помню, как врываюсь внутрь, как избегаю по лестнице. Влетев в комнату, я закрываю спиной дверь с такой силой, что она болезненно взвизгивает.

